

Гимбатова М. Б. Институт аталычества у народов Дагестана в XIX — начале XX веков: формы и локальные особенности / М. Б. Гимбатова, М. К. Мусаева // Научный диалог. — 2018. — № 12. — С. 320—337. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-320-337.

Gimbatova, M. G., Musaeva, M. K. (2018). Atalik in Peoples of Dagestan in 19th — early 20th Centuries: Forms and Local Features. *Nauchnyy dialog*, 12: 320-337. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-320-337. (In Russ.).

УДК 392.35(470.67)“18/19”+94(47).072/083

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-320-337

Институт аталычества у народов Дагестана в XIX — начале XX веков: формы и локальные особенности¹

© **Гимбатова Мадина Багаутдиновна (2018)**, orcid.org/0000-0002-6767-4478, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанский научный центр РАН (Махачкала, Россия), gimbatova@list.ru.

© **Мусаева Майсарат Камилловна (2018)**, orcid.org/0000-0002-7024-6984, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанский научный центр РАН (Махачкала, Россия), majsarat@yandex.ru.

Рассматривается один из древних институционализированных обычаев народов Кавказа и Дагестана — аталычество. Показана роль и место аталычества в системе общественных взаимоотношений между народами Дагестана и Северного Кавказа. На основе анализа представленного материала дана классификация форм аталычества и отмечены его зональные особенности у народов Дагестана. Выделены простые и классические формы аталычества, которые практиковались у отдельных народов и служили созданию искусственного родства. Отмечено, что к простым формам относится грудное вскармливание до 40 дней, к сложным — с передачей на воспитание. Особое внимание уделяется взаимоотношениям между аталыком, его семьей и воспитанником, методам воспитания. Констатируется, что возникший в глубокой древности и получивший наибольшее распространение в феодальной среде институт аталычества играл важную роль в деле укрепления внутриобщинных связей, прекращения кровной мести и межсословных конфликтов, в расширении символических границ этноса. На фоне глобализационных процессов, когда стираются этномаркирующие признаки у на-

1 Исследование выполнено при финансовой поддержке Президиума РАН. Проект I.1.24 Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

родов с ярко выраженными этноспецифическими чертами, изучение особенностей общественных институтов, в свое время игравших важную роль в сохранении этнической индивидуальности и самобытности, имеет большое научно-практическое значение. Актуальность данного исследования обусловлена интересом к некоторым общественно-бытовым институтам, одним из которых является институт аталычества, служивший гарантом стабильности и межконфессионального согласия на Кавказе.

Ключевые слова: аталычество; народы Дагестана; воспитание; искусственное родство; грудное вскармливание.

1. Введение

Обычай аталычества являлся важным фактором экономического и политического взаимодействия народов, а также одним из способов установления и расширения родственных связей. Аталычество в переводе с тюркского означает «отцовство». Воспитание детей в других семьях было широко распространено на Кавказе [Бгажноков, 1981, с. 78—104; Инал-Ипа, 1960, с. 288; Мафедзев, 1984, с. 187; Мафедзев, 1991, с. 153; Смирнова, 1951, с. 105—113; Смирнова, 1983, с. 216—245], в том числе в Дагестане [Гимбатова, 2007, с. 278—283], известно, что эта традиция существовала и на Руси [Гарданов, 1959, с. 48].

В данной статье рассматривается институт аталычества и его формы в Дагестане в его горной и равнинной части, поскольку степень распространения этого обычая различалась зонально (равнина, предгорье, горы и высокогорье).

Авторами разработана классификация простых и сложных форм института аталычества, представлена его роль и место в межнациональных отношениях, во взаимовлиянии культур народов Дагестана и Северного Кавказа, показаны как положительные, так и отрицательные стороны этого древнего института искусственного родства. По представленной классификации классической формой аталычества является только тот вариант, когда ребенка передавали в чужую семью (чаще всего далеко от дома) на воспитание с рождения до совершеннолетия.

Передача детей на воспитание в чужую семью на Кавказе, к сожалению, уже давно не существует. В последнее время на Северном Кавказе и в Дагестане ощущается напряженность в межнациональных и межконфессиональных взаимоотношениях, которая несет негативные факторы и может привести к дестабилизации обстановки в полиэтническом регионе. В связи с этим наметился определенный интерес к некоторым общественно-бытовым институтам (в том числе и к аталычеству), способствовавшим выработке толерантного отношения к соседним народам с отличным культурным полем.

2. Историография вопроса

В кавказоведческой литературе аталычеством принято считать традицию, при которой грудного ребенка передают в другую семью на воспитание на несколько лет, а затем возвращают родителям [Великая, 2001, с. 98]. В науке бытуют неоднозначные мнения относительно истории возникновения института аталычества. М. М. Ковалевский объяснял аталычество как рудимент первобытной истории [Ковалевский, 1890, с. 14], Г. К. Кокиев видел в основе социальную взаимозависимость в феодальном обществе [Кокиев, 1929, с. 49—52], М. О. Косвен выводил аталычество из авункулата [Косвен, 1935, с. 46; Косвен, 1961, с. 116—125], В. К. Гарданов — из первобытной общности детей [Гарданов, 1973, с. 14]. Сегодня в исторической науке наиболее аргументированной считается точка зрения, связывающая возникновение аталычества с процессами классовообразования и отношениями сюзеренитета-вассалитета. В частности, исследователь А. М. Ладыженский в начале XIX века отмечал, что аталычество возникло в то время, когда родственные группы могли рассчитывать на помощь (в случае явной угрозы нападения или преследования) не только от своей родни, но и от тех, с кем было установлено искусственное родство, каковыми и являлись аталыки [Ладыженский, 1928, с. 168], а Я. С. Смирнова утверждает, что аталычество (обязательная передача ребенка на воспитание в другие семьи) не бытовало совсем у тех этносов, у которых в должной степени не получили развития феодальные отношения [Смирнова, 1989, с. 217].

3. Аталычество и его формы в Дагестане

Аталычество возникло из традиции отдавать младенца на грудное вскармливание временно в чужую семью, что создавало предпосылки для возникновения так называемого «искусственного родства», расширявшего границы как кровнородственного коллектива (создавая ему дополнительно влияние и могущество в обществе), так и отдельного этноса. Надо отметить, что на территории горного Дагестана практиковались различные формы аталычества. Одна из них, которую не назовешь классической, существовала только среди представителей дома хунзахских ханов. Согласно этому обычаю, ребенка передавали на вскармливание и воспитание в другие семьи в раннем возрасте, но в каком именно — сведения на этот счет расходятся. Житель с. Хунзах (совр. Хунзахский район РД): некто Гамзат Гайдарбеков, который прожил около 100 лет, сообщал в середине XX века, что аварские ханши передавали на кормление детей в другие семьи. Женщину-кормилицу называли «рахьдал эбел» («молочная мать»), а воспитанника «рахьдал вас» («молочный сын») [Мусаева, 2006, с. 60—61]. Дети,

которых кормила грудью одна женщина, считались молочными братьями и сестрами, такое родство исключало брачные связи между этими семьями, члены двух семей становились друг другу родственниками.

На кратковременное кормление передавали преимущественно в бедные семьи, в которых был ребенок грудного возраста. Часто отдавали в так называемые раятские села (села, жители которых платили дань хану). Об оплате специально не договаривались, но ханы, беки щедро сами одаривали семью кормилицы (дарили лошадь, корову, одежду, ткани и другие ценные вещи). В доме воспитателя ребенок оставался 2—2,5 года, пока не научится говорить.

Казикумухские ханские семьи в те годы чаще всего сами воспитывали своих детей, пользуясь лишь услугами приглашаемых кормилиц из подвластных им сел из экономически нуждавшихся семей. Они назывались «ккукку булурт» (букв. «дающая грудь»). Известно по преданию, что ребенка, рожденного в доме казикумухских ханов, месяц (пока не подберут постоянную кормилицу) кормили грудью от 5 до 10 женщин (количество зависело от наличия на тот момент кормящих матерей с хорошим качественным молоком), у которых были здоровые, упитанные дети. Они жили в своих домах и по очереди ходили в ханский двор для его кормления. Ухаживали за ребенком специальные няни, которые назывались «сурмухху».

Интересно, что такая традиция — именно передача детей на кормление, существовала в горной части Дагестана только в семьях высшей знати. Но следует также отметить, что ханы Аварии вообще не отдавали на кормление девочек. Что касается менее знатных и богатых семей, для кормления младенцев нанимали кормилиц только в случае отсутствия молока у роженицы или ее болезни. Как правило, она была приходящая или жила в доме роженицы. Если видели, что беременность проходит тяжело, могли предположить, что будут сложности и с кормлением ребенка. По этой причине кормилиц, как правило, находили заранее и обговаривали условия кормления. Если же такие проблемы не предполагались, кормилиц могли иметь ввиду заранее или искали в период до 40 дней. Получалось, что, в зависимости от ситуации, ребенка отдавали на кормление сразу после родов или на 3-й — 40-й день, но никак не позже. Сроки кормления тоже могли быть разные: до первого прикорма (3 месяца), до первых зубов (6—7 месяцев), до первого шага (1 год—1,3 месяца) или до 2,5 лет.

Кормилица могла или остаться в доме роженицы несколько дней, или забрать ребенка сразу к себе домой. Как отмечалось выше, она обязательно должна была быть кормящей матерью. При этом своего ребенка она либо отдавала на сторону (чаще в другое общество), либо переводила на коро-

вье или козье молоко, чуть позже — на кашу, супы. Иногда кормила сама, одновременно со взятым на кормление ребенком, причем правую грудь всегда, по адату, то есть по местным законам, обязана была давать эмчеку (ребенок, отданный на грудное вскармливание).

В обычных семьях рядовых общинников мать сама кормила ребенка. Если возникала проблема с кормлением грудью, то находили по соседству кормящую мать, с которой заключали договор на определенное время. По истечении срока договора грудничка кормили разбавленным водой коровьим или козьим молоком. Если, как говорили, ребенку «подошло» молоко, то необходимость в кормилице отпадала сама собой.

В богатой семье роженица набиралась сил, ее ребенка кормила кормилица, а за самой роженицей ухаживала прислуга. Так было принято в богатых и состоятельных семьях не только Хунзахского плато и Казикумухского ханства, но и у салатавских аварцев, андалальцев (ср. Чох, Гонода, Ругуджа, Согратль и др.) и у других народов Нагорного Дагестана. У аварцев, например, кормилицу называли «гъагъарай эбел» («кормившая мать» — с. Ругуджа).

Случались еще и непредвиденные обстоятельства, вынуждавшие прибегнуть к грудному вскармливанию не материнским молоком. В частности, у койсубулинских аварцев (в с. Унцукуль, Ирганай, Балахуни, Зирани и др.) существовало поверье, что, если в один день у двух близких родственниц родится ребенок, роженицы обязаны их перекрестно покормить, поскольку существовала якобы опасность, что один из них будет болезненным («цо-цадаса мерхъула» — «один другого затопчет»).

Подобный обычай грудного вскармливания существовал и у бежтинцев, он назывался «уджира» (что означало по-арабски «передача в аренду»). За эту «услугу» семья, взявшая ребенка на вскармливание, получала вознаграждение в виде денег и продуктов. Следует отметить, что обычай (не институт. — *Авторы*) молочного вскармливания — широко распространенное явление, известный практически всем народам мира [Vasagu, 1982, с. 549—562].

В начале XX века атальчество было зафиксировано и у народов горного Дагестана (дидойцев), которые отдавали своих детей (преимущественно сыновей) на воспитание в соседние селения родне или кунакам. Как правило, отдавали мальчиков лет 4—5-ти, которые воспитывались в семье аталыка до возмужалости, то есть приблизительно до 17-летнего возраста. Перед тем как передать ребенка аталыку, ему на левой руке в локтевой части делали с помощью иглы и пороха татуировку на арабском, содержащую сведения о ребенке — его имя, год и место рождения.

Молочные братья и сестры имелись и у детей имама Шамиля [Козубский, 1904, с. 221].

Следует отметить, что аталычество в Дагестане было распространено неравномерно. Так, например, его не было у даргинцев, если не считать предгорную часть Кайтагского уцмийства (сел. Чумли). Но более широко и вариативно аталычество бытовало на равнине у засулакских кумыков и ногайцев.

Наиболее архаичные и разнообразные формы (в силу специфики общественного устройства) аталычества в Дагестане были у ногайцев. Отдельные черты данного обычая и сам термин *аталычество* были заимствованы кавказцами и казаками в виду их близко соседства и общения с тюрками [Великая, 2001, с. 98]. При этом в отличие от других народов Дагестана и Северного Кавказа, где аталычество было распространенным явлением в основном среди знатных семей, у ногайцев оно практиковалось во всех слоях населения.

Аталыка выбирали еще до рождения ребенка, рассматривалось сразу несколько кандидатур, и чем знатнее был феодальный владетель, тем больше находилось охотников на эту роль. Нередко на этой почве возникали соперничество и ссоры.

Перед тем как выбрать воспитателя, владетельные особы совещались со своими приближенными. Большое внимание при выборе аталыка придавалось не только его личным качествам, но и материальному положению его семьи, авторитету тухума. Согласно преданию, которое существует у кумыков, однажды по случаю рождения сына и передачи его аталыку, знатнейший феодал шамхал Тарковский собрал на торжество приближенных двору людей из разных владений. В числе приглашенных оказался салауздень из Костека. Последний явился на торжество с большим опозданием, когда церемония передачи завершилась и люди расходились по домам. На вопрос шамхала, почему его друг припозднился, тот ответил: «Когда я вброд переходил реку Койсу, моя лошадь села и долго не вставала».

— «Как? Ведь лошадям не свойственно садиться даже ночью!» — воскликнул изумленный хозяин. Гость ответил: «Да, все верно: моя лошадь, еще жеребенком, была вскормлена буйволицей, поэтому иногда садится». Это был тонкий намек на то, что аталык, которого он выбрал для своего сына, может оказаться недостойным.

Особое внимание обращалось на физическое здоровье членов семьи аталыка и особенно кормилицы. Как свидетельствует ряд информаторов, кормилица отдавала свое грудное молоко в семью ребенка, где оно проверялось на густоту и жирность. Бывали случаи, когда кормилицы старались

улучшить качество своего молока искусственно: употребляли перед проверкой топленое масло, популярную в Дагестане обрядовую зернобобовую или кукурузную кашу, сваренную на бульоне сушеного мяса, с добавлением шкварок курдюка. Приведем лишь один случай, подтверждающий данный тезис. В конце XIX века в сел. Дылым у крестьянина Али Джамалуд воспитывался сын князя Нуцал-хана из сел. Эндирей Арсланбек. Его жене, будущей кормилице по имени Чакар, привезли трехдневного новорожденного ребенка. Но перед этим Чакар затребовали в Эндирей, чтобы проверить качество ее молока. После чего ее признали подходящей кормилицей. Правда люди говорили, что она искусственно подняла жирность молока, выпив накануне много масла.

Помимо этого, очень важно было иметь в виду, какой была женщина, которую пригласили кормить младенца. Кормилица должна была быть в глазах общества образцом добродетели, иметь миролюбивый нрав и репутацию чистоплотной и аккуратной хозяйки своей семьи и дома. В народе существуют представления, что через молоко передается характер кормящей женщины, привычки (лживость, вороватость, упрямство), даже ее поведение в обществе. Недаром в дагестанском обществе муслируется мысль, что безнравственность некоторой части современной молодежи связана с тем, что многих младенцев не кормят грудью или очень рано переводят на искусственное вскармливание, поскольку современное детское питание не в состоянии, как считается на генетическом уровне, передать ребенку традиции, почитаемые в его обществе.

Из-за конкуренции, которая возникала между имеющимися в наличии кандидатами в аталыки ребенка, некоторые владетели, чтобы не обидеть своих сторонников, отдавали его на воспитание сперва одному аталыку, потом другому и даже третьему, чем увеличивали свое влияние на подвластных, расширяли круг своих «друзей», уже почти родственников.

Первой из форм аталычества у кумыков и ногайцев считалась передача ребенка на два года кормилице на молочное вскармливание. Эта форма имела распространение среди знати. Обычно грудного ребенка отдавали на молочное вскармливание в простую семью, где также имелся ребенок этого возраста. Согласно феодальной этикете, княгиня (бийке) вообще не должна была кормить своего ребенка грудью — факты отклонения от этой нормы рассматривались как падение сословных нравов. «Эзивюн сют этип, этегин нас этип айланмас хас бийке» (Истинная княгиня не должна допускать, чтобы грудной вырез ее платья и подол были запачканы молоком) — говорили, воспитывая княжну. Соответственно, после родов княжны не кормили своих детей грудью, а отдавали на кормление

грудью сроком на два года подобранной для этой цели женщине, которая, как правило, имела своего грудного ребенка или он после родов умер.

Труд кормилицы оплачивали каждый год: по одной овце на Курбан-байрам (важный религиозный праздник), осенью 3—4 овцы на убой, для заготовки впрок, 30—40 мерок зерна, комплект одежды. В течение этого времени, что она кормила княжеского ребенка, женщина не должна была иметь близкие супружеские отношения со своим мужем. По этой причине ее мужа нередко направляли на работу подальше от семьи. Если обнаруживалась беременность кормилицы, то она и ее муж наказывались.

После завершения грудного вскармливания и передачи воспитанника родителям бий (отец ребенка) должен был подарить семье кормилицы 2—3 коровы, постельные принадлежности, одежду, лошадь, быков, ковры. Аккуратно выполнившей условия договора кормилице давалось звание «дая», а ее мужу — «аталык».

Второй формой аталычества была передача ребенка на воспитание до его совершеннолетия. Эту форму, которую мы считаем классической, поскольку именно с его возникновением, на наш взгляд, обычай оформился институционально, практиковала высшая знать, передавая своих детей на воспитание в семьи, стоящие рангом ниже [Гимбатова, 2007, с. 8] или равные им. Так, например, ногайский князь Тембулат Карамурзин воспитывался в семье абхазского князя Маршания [Дзидзария, 1976, с. 47], а ногайский узден из аула Балтааул (совр. сел. Кызылтогай) воспитывал ногайского мурзу Ахлова. Наряду с добровольной передачей детей аталыку практиковалось и насильственное похищение детей кровников для воспитания с целью прекращения кровомщения. Так, в пояснительной записке о личных правах туземного населения Кубанской области 1873 года о ногайцах сообщалось: «Ногайские мурзы брали на воспитание к себе только так называемых кровных детей, т. е. таких, отцы которых были убиты самими мурзами» [АКАК, 1881, с. 777].

Аталыками княжеских детей у засулакских кумыков выступали сала-тавские аварцы, чеченцы, ногайцы и даже далекие высокогорные андийцы. В связи с этим определенный интерес представляет предание об аталыках кумыкских князей. В нем говорится, что в селении Андрейаул когда-то жил князь по имени Айдемир. Его называли Уллу Айдемир. Очевидно, он был старшим среди Эндиреевских князей Айдемировых. Сестра его была замужем за князем Хасаем Муртузали Аджиевым. На почве земельных споров и междоусобиц Айдемир убил зятя и его двух сыновей. Кормилица-эмчек положила третьего сына в корзину и, прикрыв сверху овечьей шерстью, которая была для просушки разложена на галерее, рано утром отправилась

пешком в свое родное андийское общество, где и воспитала ребенка до его совершеннолетия. Конец этого предания имеет два варианта. В первом варианте андийка привезла воспитанника в его родное село. Во втором — якобы там, где этот княжеский сын вырос, а впоследствии женился на андийской девушке, появился тухум, который стали именовать «чанка». Так называли детей, рожденных от брака князя с простолюдинкой, даже, если она была из хороших узденей (из свободного сословия с неплохой родословной).

У кумыков воспитание ханского или княжеского сына позволяло среднему уздену подняться на следующую ступень во внутрисословной иерархии [Гаджиева, 1995, с. 17]. По этой причине, прежде всего, стать воспитателем детей из знатной семьи было весьма почетно, а по завершении воспитательного процесса и выгодно. Приемные родители в этом случае именовались аталык и аналык. Когда ребенка собирали для отправки к аталыку, вместе с ним клали его личные вещи, колыбель, детскую одежду, поскольку принято было первую одежду шить из ношеной одежды родителей (якобы от сглаза), любимую игрушку, как правило, сделанную кем-либо из домочадцев [Мусаева, 2010, с. 95—109].

Аталык кормил и одевал своего воспитанника, обучал наездничеству, владению оружием и другим военно-физическим приемам, какому-либо ремеслу, правилам поведения в обществе, грамоте и т. д.

Аталык обучал воспитанника всем тонкостям этикета: правилам гостеприимства, умению вести себя в обществе, правилам приветствия, хладнокровию и владению собой в любых жизненных обстоятельствах и умению находить выход из трудных ситуаций — обучал всему, что казалось, будет необходимо ему в жизни.

Сыновья аталыка водили своего молочного брата на свадьбы, вечеринки, где присутствовали девушки аула, учили его танцевать, петь, играть, соблюдая традиционные нормы поведения.

Иногда знатные кумыкские семьи отдавали в аталычество и дочерей. Их воспитанием занималась аталычка (жена аталыка). В ее обязанности входило обучение девочки ведению домашнего хозяйства, некоторым видам женского промысла, правилам поведения, принятым в феодальной среде.

Многие воспитатели всячески старались прививать своим питомцам трудолюбие, человечность, чувство ответственности, лучшие этические и нравственные качества. Успех такого воспитания во многом зависел от жизненных позиций, нравственных устоев самого воспитателя, его семейных традиций. Однако, воспитывая детей владетельных особ, аталык

и его жена (эмчек ана, аналык), стоявшие ниже их на социальной лестнице, должны были строго придерживаться сословного этикета, относиться к своим питомцам с почтением, выполнять порою даже роль их слуг.

Социальное неравенство воспитываемых и воспитателей особенно подчеркивалось в процессе воспитания девушек. Если жена аталыка вводила ее в чужой дом (по случаю свадьбы, похорон и т. д.), она строго соблюдала этикет. Входя в дом, она пропускала воспитываемую вперед, представляла ее присутствующим так, чтобы потом могла вступить в беседу сама высокородная воспитанница. В качестве «бийкени эмчек анасы» или, как еще называли ее, «бийкени тамазасы» («тамада княжны»), «бийкени ян ёлдаши» («подруга «княжны, которая держится сбоку»), она должна была снимать с нее шубу, обувь, помогать одеваться. Даже кувшин для нужд воспитанницы в туалет порою несла «эмчек анна» или ее взрослая дочь. Если была возможность, для воспитанницы нанимали специальную прислугу, чтобы она выполняла всю черную работу.

Дома воспитанники относились к аталыку так же, как и его родные дети, оказывая ему должные почести и уважение.

Воспитанники участвовали в семейных торжествах аталыка и со временем знакомились со всеми его родственниками, рассчитывая в дальнейшем на их помощь и поддержку. В период нахождения ребенка у аталыка родители навещали его крайне редко, при этом вели они себя достаточно эмоционально сдержанно, не проявляли видимых знаков внимания. Считалось, что частое общение с родителями, особенно с мальчиками, препятствует формированию мужественной, волевой и самостоятельной личности.

Воспитание ребенка в семье аталыка у народов Дагестана (в классической форме) продолжалось до его совершеннолетия, как правило, до 15 лет, у некоторых народов Северного Кавказа — до 17 лет или даже до женитьбы [Кажаров, 1994, с. 387].

Известны случаи, когда у некоторых северокавказских народов, которые практиковали в различной форме аталычество, возвращали подростка и до установленного срока, если была в этом необходимость. Именно такой случай был описан А. С. Пушкиным в его неоконченной поэме «Тазит», где он повествует о подобной ситуации, возникшей в одной осетинской семье, отправившей сына на воспитание к вайнахам (чеченцам):

«Из-за горы явились вдруг

Старик седой и отрок стройный.

Дают дорогу пришлецу —

И скорбному старик отцу

*Так молвил, важный и спокойный:
«Прошло тому тринадцать лет,
Как ты, в аул чужой пришел,
Вручил мне слабого младенца,
Чтоб воспитаньем из него
Я сделал храброго чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Гасуб, покорен будь судьбе.
Другого я привел тебе.
Вот он. Ты голову преклонишь
К его могучему плечу.
Твою потерю им заменишь —
Труды мои ты сам оценишь,
Хвалиться ими не хочи»* [Пушкин, 1960, с. 241—242].

К моменту окончательного возвращения аталык снабжал воспитанника подобающей рангу его родителей одеждой, оружием, конем, скотом. По случаю возвращения сына в доме у родителей устраивалось большое угощение с приглашением всех родственников. Певцы пели песни, восхваляющие юношу и его аталыка. Юношу сопровождали домой не только сам аталык и его взрослые сыновья, но и вся родня и почетные люди аула, одетые как на большой праздник. Если дом феодала находился в другом селении, мужчины ехали на лошадях. Возглавляли кортеж аталык и другие почетные аксакалы. Женщины (кормилица, ее дочери и другие родственницы) ехали на арбах. Если везли в родительский дом отданную на воспитание девушку, впереди процессии, на особо убранной арбе размещались кормилица и ее воспитанница.

По обычаю, встречать поезд выходила вся родня молодого князя или княжны (кроме отца и матери).

За воспитание ребенка аталык получал хорошее не только вознаграждение от его родителей, но и подарки от самых близких родственников. Чем знатнее были родители воспитанника и влиятельнее род аталыка, тем богаче были подарки аталыку, тем больше внимания уделялось его семье. Аталыку передавались лучшие земли, оросительные каналы, они освобождалась от налогов и т. д. Случалось даже, что аталыки становились богаче самого князя.

Между воспитанником и его воспитателем, а также их семьями и родней устанавливались родственные связи. Дети аталыка и воспитанник становились названными братьями и сестрами. Между ними был невозможен

и брак, несмотря на то, что они принадлежали к разным фамилиям и не имели кровного родства.

Воспитанник с почтением относился к аталыку, помогал ему вести хозяйство, участвовал в семейных торжествах. В случае смерти аталыка воспитанник, наравне с его семьей, нес все похоронные расходы, принимал соболезнования. В отсутствие прямых наследников мог даже наследовать имущество аталыка [Гаджиева, 1995, с. 124—125].

Влияние аталыка на воспитанника было настолько велико, что он после смерти родителей мог стать его опекуном.

Многие аталыки сами выдавали своих воспитанниц замуж, выбирая им соответствующих их положению женихов. Так, например, наши информаторы рассказывали, что для бывшей княгини Кепии Гаджиевой-Амирихановой подходящего жениха выбирал аталык (Темирхан). Было 4—5 претендентов на руку девушки, одобренных ее отцом, но они были отклонены аталыком. После одобрения аталыком одного из претендентов, отец выдал ее за него. Отец девушки не возражал, не мог не посчитаться с выбором аталыка. Половину приданого невесты справил сам Темирхан.

На свадьбе своих воспитанников (как юноши, так и девушки) аталык и аталычка были одними из почетных гостей и получали щедрые подарки [Гаджиева, 1995, с. 55].

Чувства любви и привязанности между аталыком и воспитанником сохранялись на протяжении всей жизни. Так, у кумыков в случае смерти высокородного воспитанника аталык обязан был отрезать себе половину уха. Подобный обычай в XVI—XVII веках существовал и у адыгов [Унежев, 2003, с. 341]. Свою скорбь по случаю смерти воспитанника должна была выразить и кормилица. Как нам сообщили, кормилица умершего князя обязана была не только вырывать волосы, брови, ресницы, но и погрести себя заживо. Для этого рыли яму, куда сажали кормилицу, закрыв верх пробитым горшком. В таком положении ей давали есть, но в большинстве случаев кормилицы не выживали.

Аталык всю свою жизнь оставался преданным своему воспитаннику человеком, защищавшим его общественные и политические интересы. Аталык вместе со своими сыновьями сопровождал своего воспитанника и его отца во время военных походов, уходил в канлы (изгнание за убийство) вместо своего воспитанника. Аталык и его дети мстили за обиду, причиненную кем-либо воспитаннику. Таким образом, через аталычество между двумя семьями (двумя родственными группами) устанавливались самые тесные родственные отношения, регулируемые специальными нормами и обставляемые многочисленными обрядами и церемониями. Эти нормы

предписывали аталыку и воспитаннику взаимоподдержку во всех случаях жизни (свадьба, похороны, конфликты с другими тухумами, семьями). Известны случаи, когда во время новой женитьбы отца после смерти матери и ссоры из-за земли и другого имущества или по какой-нибудь не менее серьезной причине молодой князь уходил к своему аталыку, который был обязан защитить его интересы. Сохранилось немало преданий о том, как аталыки мирили своих подопечных, возвращали их домой и даже вместе с воспитанником враждовали с его родителями.

Мы уже отмечали выше, что было несколько форм аталычества. Некоторые из них бытовали в основном только у ногойцев. В частности, юноша сам выбирал себе в аталыки влиятельного караногайца [Великая, 2001, с. 101]. Бывало и наоборот: мужчина (как правило, старик) выбирал себе в воспитанники положительного, работающего юношу, одаривал его, приглашал к себе его родню и становился аталыком, а родня юноши, в свою очередь, устраивала у себя прием в честь аталыка.

Реже наблюдалась другая форма аталычества: если у двух семей одновременно рождались дети, они договаривались об установлении искусственного родства. Приглашали друг друга в гости, обменивались подарками. После этого отцы семейств называли друг друга аталыками.

Следующей формой аталычества считается передача подростка в другую семью на короткое время с целью изучения традиций и языка соседнего народа. Подобная практика установилась у некоторых народов как трансформация классической формы аталычества. Так, в последней трети XIX века караногайцы отдавали детей на воспитание к затеречным «татаграм» (кумыкам) [Дубровин, 1927, с. 115]. Детей отдавали и к кубанским ногойцам. Обмен малолетними детьми существовал и у караногайцев с чеченцами [Великая, 2001, с. 102].

Таким образом, можно выделить несколько форм института аталычества: кратковременное грудное вскармливание ребенка у роженицы до 40 дней; передача грудного ребенка на кормление в семью аталыка до 2—2,5 лет; передача ребенка в семью аталыка с рождения до совершеннолетия (эта форма считается классической); перекрестное аталычество (договор между двумя семьями, в которых одновременно рождались дети, об установлении искусственного родства; выбор воспитанником аталыка; выбор совершеннолетним аталыка; временная передача подростка в другую семью.

Представленная классификация форм института аталычества может помочь выделить некоторые элементы или нюансы, наиболее приемлемые для современного общества, возрождение которых может способ-

ствовать сближению народов и тем самым стать гарантом стабильности на Кавказе.

Позднее северокавказское аталычество характеризуется его «межнациональностью» и обменом более взрослыми детьми. Возможно, такая практика была в некотором смысле и щадящей для психики ребенка. Поскольку при классической форме аталычества, когда дети практически с рождения и до совершеннолетия воспитывались вне стен собственно дома и семьи, по возвращении подростки чувствовали себя чужими, ведь они были воспитаны в других условиях, в другом окружении, в другой культуре, несмотря на то что семья аталыка подчеркивала, что ребенок находится всего лишь на воспитании.

4. Роль аталычества в укреплении межэтнических связей

Необходимо отметить, что более позднее «межэтническое» аталычество способствовало сближению северокавказских народов [Великая, 2001, с. 103], знакомству с нормами поведения других этносов, что помогло в деле построения дружеских взаимоотношений и предотвращения межнациональных и межконфессиональных конфликтов. К примеру, чтобы расширить и укрепить свои позиции в регионе, широко приветствовали аталычество в Крыму. В этой связи крымские ханы передавали детей на воспитание ногайской знати [Гаджиева, 1995, с. 8]. Здесь уместно будет привести и высказывание Н. Дубровина по поводу аталычества у адыгов, которое можно отнести и к другим народам Северного Кавказа, в частности, он пишет: «Обычай аталычества много способствовал примирению и сближению между собою разноплеменных горских семейств. Кроме того, при таком способе воспитания дети приучались говорить на чужих наречиях, что при существовании разноязычия для них бывало весьма полезно впоследствии» [Дубровин, 1927, с. 106].

Подводя итог, можно утверждать, что институт аталычества (в любой его форме) играл огромную роль в деле прекращения кровной мести, установления межэтнических и культурных связей. Основными же функциями аталычества, особенно в период его появления у народов Дагестана, являлись воспитание и поддержание сюзеренно-вассальных отношений.

Источники и принятые сокращения

1. *Кавказская линия*. Ногайцы, тухмены и киргизы // Акты Кавказской археографической комиссии (АКАК). — Тифлис, 1881. — Т. 8. — 1009 с.
2. *Коклев Г. А.* К вопросу об аталычестве // Революция и горец : газета. — 1929. — № 3. — С. 49—52.

Литература

1. *Бгажноков Б. Х.* Образ жизни адыгейской феодальной знати / Б. Х. Бгажноков // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. — Нальчик, 1981. — С. 78—104.
2. *Великая Н. Н.* К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII—XIX вв. / Н. Н. Великая. — Армавир : Армавирский государственный педагогический институт, 2001. — 191 с.
3. *Гаджиева С. Ш.* Аталычество и побратимство в Дагестане XVIII — начале XX вв. / С. Ш. Гаджиева. — Махачкала, 1995. — 152 с.
4. *Гарданов В. К.* Аталычество / В. К. Гарданов // IX международный конгресс антропологических и этнографических наук (сентябрь 1973 г., Чикаго) : доклады советской делегации. — Москва : Наука, 1973. — 22 с.
5. *Гимбатова М. Б.* Культура поведения и этикет ногайцев в семейном и общественном быту (XIX — начало XX века) / М. Б. Гимбатова. — Махачкала : Эпоха, 2007. — 344 с.
6. *Дзидзария Г. А. Ф. Ф.* Торнау и его кавказские материалы XIX в. / Г. А. Дзидзария. — Москва : Наука, 1976. — 106 с.
7. *Дубровин Н. Ф.* Черкесы. (Адыги) / Н. Ф. Дубровин. — Краснодар : Общество изучения Адыгской автономной области, 1927. — 176 с.
8. *Инал-Ипа Ш. Д.* Абхазы / Ш. Д. Инал-Ипа. — Сухуми, 1960. — 448 с.
9. *Кажаров В. Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVII — первой половине XIX века / В. Х. Кажаров. — Нальчик : Эльбрус, 1994. — 430 с.
10. *Ковалевский М. М.* Закон и обычай на Кавказе / М. М. Ковалевский. — Москва : Типография А. И. Мамонтова и К^о, 1890. — Т. 1 — 303 с.
11. *Козубский Е. И.* Из прошлого Дагестанской области / Е. И. Козубский // Дагестанский сборник. — Темир-Хан-Шура : Русская типография В. М. Сорокина, 1904. — Вып. 2. — 504 с.
13. *Косвен М. О.* Аталычество / М. О. Косвен // Советская этнография. — 1935. — № 2. — С. 41—62.
14. *Косвен М. О.* Этнография и история Кавказа / М. О. Косвен. — Москва : Наука, 1961. — 258 с.
15. *Ладыженский А. М.* Очерки социальной эмбриологии (внутриродовое и междуродовое право кавказских горцев) / А. М. Ладыженский // Записки Северо-Кавказского краевого горского НИИ. — Ростов-на-Дону : Издательство Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института, 1928. — Т. 1. — С. 151—185.
16. *Мафедзев С. Х.* Очерки трудового воспитания адыгов / С. Х. Мафедзев. — Нальчик : Эльбрус, 1984. — 260 с.
17. *Мафедзев С. Х.* Межпоколенная трансмиссия традиционной культуры адыгов в XIX — начале XX в. (этнографическое исследование) / С. Х. Мафедзев. — Нальчик : Эльбрус, 1991. — 254 с.
18. *Мусаева М. К.* Традиционные обычаи и обряды народов Нагорного Дагестана, связанные с рождением и воспитанием детей / М. К. Мусаева. — Махачкала : ДНЦ РАН, 2006. — 220 с.

19. Мусаева М. К. Детские занятия как средство трансмиссии культуры в традиционной практике народов Дагестана и Северного Кавказа / М. К. Мусаева // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. — 2010. — № 2 (22). — С. 95—109.
20. Пушкин А. С. Тазит / А. С. Пушкин // Собрание сочинений : в 10 томах. — Москва : Государственное издательство Художественной литературы, 1960. — Т. 3. — С. 240—249.
21. Смирнова Я. С. Аталычество и усыновление у абхазов / Я. С. Смирнова // Советская этнография. — 1951. — № 2. — С. 105—113.
22. Смирнова Я. С. Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция / Я. С. Смирнова // Кавказский этнографический сборник / отв. ред. Н. Г. Волкова, В. К. Гарданов. — Москва : Наука, 1989. — Вып. 9. — С. 216—245.
23. Смирнова Я. С. Семья и семейный быт у народов Северного Кавказа : вторая половина XIX—XX вв. / Я. С. Смирнова. — Москва : Наука, 1983. — 264 с.
24. Унежев К. Х. Культура адыгов и балкарцев / К. Х. Унежев. — Нальчик : Эль-Фа, 2003. — 510 с.
25. Vasary J. The Institution of Foster-Brothes (*emildas* and *kokaldas*) in the Chingisid States / J. Vasary // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — 1982. — Т. 36 (1—3). — P. 549—562.

Atalik in Peoples of Dagestan in 19th — early 20th Centuries: Forms and Local Features¹

© Gimbatova Madina Bagavutdinovna (2018), orcid.org/0000-0002-6767-4478, Doctor of History, leading research scientist, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Centre of RAS (Makhachkala, Russia), gimbatova@list.ru.

© Musaeva Maysarat Kamilovna (2018), orcid.org/0000-0002-7024-6984, PhD in History, leading research scientist, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Centre of RAS (Makhachkala, Russia), majrsarat@yandex.ru.

One of the ancient institutionalized customs of the peoples of the Caucasus and Dagestan — atalik — is considered. The role and place of atalik in the system of social relations between the peoples of Dagestan and the North Caucasus is shown. Based on the analysis of presented material the classification of the forms of atalik is given and its zonal peculiarities in the peoples of Dagestan are marked. Simple and classic forms of atalik are revealed, which were practiced by certain peoples and served the creation of artificial kinship. It is noted that simple forms include breastfeeding up to 40 days, complex forms include education. Special attention is paid to the relationship between atalik, his family and fosterling, methods of education. It is stated that institute of atalik, emerged in antiquity and widely spread among the feudal world, played an important role in strengthening inter-society relations, cessation of blood feud and estates conflicts,

---

1 The study is financially supported by RAS Presidium. Project I.1.24 Basic research programmes of RAS Presidium “Culturally complex societies: understanding and managing.”

expansion of symbolic boundaries of the ethnic group. Against the background of globalization processes, when ethnic features of peoples with vivid ethnospecifics are erased, the study of the features of public institutions, which once played an important role in the preservation of ethnic identity, is of great scientific and practical importance. The relevance of this study is determined by the interest in some social institutions, one of which is the atalik institute, which served as a guarantor of stability and interfaith harmony in the Caucasus.

Key words: Atalik; peoples of Dagestan; education; artificial relationship; breastfeeding.

Material resources

Kavkazskaya liniya. Nogaytsy, truhmeny i kirgizy. (1881). In: *Akty Kavkazskoy arkheograficheskoy komissii (AKAK)*. 8. Tiflis. (In Russ.).

Kokiev, G. A. (1929). K voprosu ob atalychestve. *Revolutsiya i gorets : gazeta*, 3: 49—52. (In Russ.).

References

Bgazhnikov, B. Kh. (1981). Obraz zhizni adygeyskoy feodalnoy znati. In: *Iz istorii feodalnoy Kabardy i Balkarii*. Nalchik. 78—104. (In Russ.).

Dubrovin, N. F. (1927). *Cherkesy. (Adygi)*. Krasnodar: Obshchestvo izucheniya Adygs-koy avtonomnoy oblasti. (In Russ.).

Dzidzariya, G. A. (1976). *F. F. Tornau i yego kavkazskiy materialy XIX v.* Moskva: Nauka. (In Russ.).

Gadzhiev, S. Sh. (1995). *Atalychestvo i pobratimstvo v Dagestane XVIII — nachalo XX vv.* Makhachkala. (In Russ.).

Gardanov, V. K. (1973). *Atalychestvo. IX mezhdunarodnyy kongress antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk (sentyabr' 1973, Chikago): doklady sovsotskoy delegatsii*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Gimbatova, M. B. (2007). *Kultura povedeniya i etiket nogaytsev v semeynom i obshchestvennom bytu (XIX — nachalo XX veka)*. Makhachkala: Epokha. (In Russ.).

Inal-Ipa, Sh. D. (1960). *Abkhazy*. Sukhumi. (In Russ.).

Kazharov, V. Kh. (1994). *Traditsionnyye obshchestvennyye instituty kabardintsev i ikh krizis v kontse XVII — pervoy polovine XIX veka*. Nalchik: Elbrus. (In Russ.).

Kosven, M. O. (1935). Atalychestvo. *Sovetskaya etnografiya*, 2: 41—62. (In Russ.).

Kosven, M. O. (1961). *Etnografiya i istoriya Kavkaza*. Moskva: Nauka. (In Russ.).

Kovalevskiy, M. M. (1890). *Zakon i obychay na Kavkaze. I* Moskva: Tipografiya A. I. Mamontova i Ko. (In Russ.).

Kozubskiy, E. I. (1904). Iz proshlogo Dagestanskoy oblasti. In: *Dagestanskiy sbornik. 2. Temir-Khan-Shura: Russkaya tipografiya V. M. Sorokina*. (In Russ.).

Ladyzhenskiy, A. M. (1928). Ocherki sotsialnoy embriologii (vnutrirodovoye i mezhdurodovoye pravo kavkazskikh gortsev). In: *Zapiski Severo-Kavkazskogo kraevogo gorskogo NII. I*. Rostov-na-Donu: Izdatelstvo Severo-Kavkazskogo kraevogo gorskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta. 151—185. (In Russ.).

- Mafedzev, S. Kh. (1984). *Ocherki trudovogo vospitaniya adygov*. Nalchik: Elbrus. (In Russ.).
- Mafedzev, S. Kh. (1991). *Mezhpokolennaya transmissiya traditsionnoy kultury adygov v XX — nachale XX v. (etnograficheskoye issledovaniye)*. Nalchik: Elbrus. (In Russ.).
- Musaeva, M. K. (2006). *Traditsionnyye obychai i obryady narodov Nagornogo Dagestana, svyazannyye s rozhdeniem i vospitaniem detey*. Makhachkala: DNTs RAN. (In Russ.).
- Musaeva, M. K. (2010). Detskiye zanyatiya kak sredstvo transmissii kultury v traditsionnoy praktike narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza. *Vestnik Instituta istorii, arkheologii i etnografii DNTs RAN*, 2 (22): 95—109. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1960). Tazit. In: *Sobraniye sochineniy*. 10/3. Moskva: Gosudarstvennoye izdatelstvo Khudozhestvennoy literatury. 240—249. (In Russ.).
- Smirnova, Ya. S. (1951). Atalychestvo i usynovleniye u abkhazov. *Sovetskaya etnografiya*, 2: 105—113. (In Russ.).
- Smirnova, Ya. S. (1983). *Semya i semeynyy byt u narodov Severnogo Kavkaza. Vtoraya polovina XIX—XX vv.* Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Smirnova, Ya. S. (1989). Iskusstvennoye rodstvo u narodov Severnogo Kavkaza: formy i evolyutsiya. In: Volkova, N. G., Gardanov, V. K. (eds.). *Kavkazskiy etnograficheskiy sbornik*. 9. Moskva: Nauka. 216—245. (In Russ.).
- Unezhev, K. Kh. (2003). *Kultura adygov i balkartsev*. Nalchik: El-Fa. (In Russ.).
- Vasary, J. (1982). The Institution of Foster-Brothes (emildas and kokaldas) in the Chingisid States. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 36 (1—3): 549—562.
- Velikaya, N. N. (2001). *K istorii vzaimootnosheniy narodov Vostochnogo Predkavkazya v XVIII—XIX vv.* Armavir: Armavirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy institut. (In Russ.).